Расследование доктора Данилова

Автор:
Андрей Шляхов

Расследование доктора Данилова

Андрей Левонович Шляхов

Доктор Данилов

На сей раз доктор Данилов по просьбе своего начальства пытается установить причину высокой летальности в отделении анестезиологии и реанимации девяносто пятой клинической больницы. Вроде бы все делается так, как нужно, но пациенты умирают здесь в четыре раза чаще, чем в аналогичных отделениях других московских больниц… Сотрудники отделения объясняют происходящее по-разному. Один винит во всем плохую экологию, другой – коронавирусную пандемию, третьи ударяются в мистику, но Данилов знает, что просто так ничего не происходит. Он старательно ищет причину, а кто ищет – тот всегда найдет. Это не детектив и не медицинский триллер, хотя элементы того и другого присутствуют. Это пятнадцатый роман о приключениях, похождениях и злоключениях доктора Данилова.

Андрей Шляхов

Расследование доктора Данилова

Разумеется, автор должен сообщить своим уважаемым читателям и вообще всему человечеству, что все события, о которых идет речь в этой книге, являются продуктом его буйного неукротимого воображения, точно так же, как и имена действующих лиц, которые выдуманы от первой буквы до последней. Короче говоря, все совпадения случайны, но мы-то с вами хорошо знаем, что ничего случайного в этом мире нет и быть не может.

«Самый верный признак истины – простота и ясность»

Лев Толстой, «Путь жизни»

«Видите ли, молодой человек, наука считает,

что не существует нераскрываемых преступлений… Так сказать, теоретически. Так что нам с вами надо поднатужиться …»

Аркадий и Георгий Вайнеры, «Эра милосердия»

Глава первая

Тридцать два процента

– Летальность реанимационного отделения составляет тридцать два процента, Владимир Александрович! Тридцать два! При среднем городском показателе в восемь с половиной процентов! Грубо говоря, каждый третий пациент выбывает из отделения через морг! Я лично никогда и нигде такой ужасающей статистики не видел. А вы?

– Я тоже не видел, Владислав Петрович. Может, во время войны, в полевых госпиталях прифронтовой полосы было и хуже, но сейчас даже трудно представить…

С новым заведующим кафедрой Данилов был знаком давно, но шапочно. Профессор Замятин, ученый секретарь кафедры, работал на другой клинической базе и встречались они только на собраниях и разных других мероприятиях. Когда жена поинтересовалась: «какой он, ваш новый шеф?», Данилов пожал плечами и ответил: «никакой». Характеристика была точной и исчерпывающей. Замятин не имел привычек, которые могли стать поводом для сплетен, за долгие годы работы на кафедре не сблизился ни с кем из сотрудников, со всеми держался ровно-отстраненно, любимчиков не имел, голоса никогда не повышал, ни в каких злоупотреблениях замечен не был, ни к каким группировкам в академии не примыкал. Кафедральный шутник или, скорее – шут, доцент Сааков

как-то раз сказал, что Замятин «явный скрытый маньяк-убийца», потому что такими неприметными и такими правильными людьми бывают только маньяки. Шуточка была отпущена в коридоре, во время перерыва в одном особо затянувшемся собрании. Обернувшись по направлению взглядов собеседников, Сааков увидел стоящего рядом Замятина. Тот мог посмеяться или возмутиться, но проявления эмоций не последовало. «Если бы я был маньяком-убийцей, то вас, Артур Бениаминович, давно уже не было бы в живых», спокойно сказал Замятин, глядя куда-то в сторону. Сааков (невиданное дело!) попросил прощения, но Замятин его смущенного лепета не дослушал – развернулся и ушел прочь.

С прежним заведующим кафедрой Олегом Тарасовичем Погребенько произошла трагикомическая неприятность, в которой смешного и грустного было поровну. На шестом десятке лет Олег Тарасович, прежде не отличавшийся амурным энтузиазмом, пустился во все тяжкие. Сначала завел длительный роман с клиническим ординатором, которую он, как выражался Сааков «протащил в аспирантуру, держа за сиськи», но после некоторых осложнений, стал предпочитать менее серьезные, то есть – менее обременительные отношения. Такие, которые доставляли много удовольствия, но при том не осложняли жизнь.

Однажды Олег Тарасович задержался на работе до для того, чтобы соблазнить новую кандидатку в любовницы. Соблазнение происходило по раз и навсегда установленному порядку – кандидатке назначалась деловая аудиенция в позднее время, когда на кафедре не оставалось никого из сотрудников, кроме нее и профессора. Во время обсуждения делового вопроса Олег Тарасович «закидывал удочки» и смотрел – схватит ли рыбка наживку? Если хватала, то жизнь стареющего профессора озарялась светом новой звезды. Если не хватала, то распалившийся Олег Тарасович ехал к кому-то из старых своих «звезд» снимать напряжение. Но обломы случались крайне редко, потому что поздние аудиенции назначались только тем, кто давал какие-то авансы – строил глазки, демонстрировал свои прелести или, к примеру, доверительно плакался шефу в жилетку, сетуя на свое одиночество.

В тот злополучный день все складывалось самым замечательным образом. Новая аспирантка оказалась настолько понятливой, что начала раздеваться сразу же после того, как вошла. Делала она это очень красиво, так, что глаз не оторвешь, а раздевшись сразу же приступила к делу… Ошеломленный столь бурным развитием событий Олег Тарасович позабыл закрыть дверь на ключ. Отлюбив шефа в кресле, проказница увлекла его на диван, где начала проводить

«реанимационные» мероприятия. Мероприятия оказались настолько качественными, что уже через каких-то десять минут Олег Тарасович был готов к новым подвигам и немедленно приступил к их свершению. Но у природы же все продумано и нарушать ее установки не следует. Если в шестьдесят лет проявлять чрезмерный энтузиазм, свойственный юному возрасту, то организм не успевший полностью восстановиться после предыдущего раунда, может выкинуть какой-нибудь огорчительный фокус.

Некий ретивый охранник, обративший внимание на то, что в окнах кабинета Олега Тарасовича в позднее время горит свет, отправился на кафедру с проверкой. Он распахнул дверь начальственного кабинета в тот самый момент, когда Олег Тарасович находился в преддверии очередной разрядки… Вместо разрядки у возрастного Ромео случился трансмуральный инфаркт миокарда передней стенки левого желудочка, вызванный резким спазмом коронарных сосудов. Довольно редкая, надо сказать, штука, обычно инфаркты происходят вследствие закупорки сосудов тромбом.

Инфарктом дело не закончилось. Свалившись на пол, Олег Тарасович сломал левую локтевую кость. Дура-аспирантка с перепугу завизжала так громко и пронзительно, что на крик сбежался народ с нижнего и верхнего этажей. Впрочем, это было кстати, потому что если бы охранник грузил Олега Тарасовича на каталку в одиночку, то непременно сломал бы ему еще что-нибудь.

Лежать в «родном» реанимационном отделении и понимать, о чем шепчутся врачи за твоей спиной, было очень неприятно. Олег Тарасович просил перевести его в Кардиоцентр, но коллеги отказывали – не то у вас состояние, дорогой вы наш, чтобы транспортировать, да и необходимости в этом никакой нет. Семьдесят седьмая больница оснащена не хуже Кардиоцентра, врачи у нас замечательные – многих вы сами учили, так что лежите-полеживайте, Олег Тарасович, заживляйте вашу сердечную рану.

Подобно большинству врачей, Олег Тарасович оказался крайне недисциплинированным пациентом. Во время заживления инфарктного очага, а особенно – на первой неделе этого процесса, пациенты должны соблюдать строгий постельный режим, чтобы не давать сердечному насосу лишней нагрузки. В противном случае на месте очага может образоваться не плотный соединительнотканный рубец, а растяжение мышцы, по-научному именуемое аневризмой. Растянутый участок не способен сокращаться, поэтому его наличие

уменьшает насосную функцию сердца, что приводит к развитию сердечной недостаточности. К моменту выписки стало ясно, что Олега Тарасовича ждет не возвращение к заведованию, а оформление группы инвалидности. Профессор Замятин, исполнявший обязанности заведующего кафедрой, спустя два месяца избавился от нестатусной приставки «и.о.» и стал полноценно-полноправным заведующим.

На второй неделе своего «полноценного» заведования Замятин пригласил доцента Данилова «поговорить». Данилов ждал обычного псевдодушевного общения между начальником и подчиненным, но разговор оказался сугубо деловым – Владислава Петровича обеспокоило резкое повышение летальности в отделении анестезиологии и реанимации девяносто пятой городской больницы. Данилов не очень-то понимал, почему профессор Замятин, не будучи главным внештатным специалистом по анестезиологии-реаниматологии города Москвы, так сильно волнуется по поводу этой нехорошей статистики, которая непосредственно к нему никакого отношения не имела. И еще не было понятно, почему заведующий кафедрой обсуждает этот вопрос с доцентом, только что вернувшимся с коронавирусной передовой после обратного перепрофилирования восемьдесят восьмой больницы. Но с уточняющими вопросами Данилов не спешил. Зачем бежать вперед паровоза? Шеф сам все расскажет, просто у человека такая привычка – начинать с главного, а затем уже объяснять, что и как. Вполне возможно, что у шефа есть какое-то решение, которое он предварительно хочет «обкатать» на доценте Данилове. Хотя решение тут может быть только одно – надо менять персонал, который позволяет себе работать столь халатно, потому что ничем, кроме халатного отношения к делу такой показатель летальности объяснить невозможно.

– Какие меры приняты? – поинтересовался Данилов. – Департамент уже прислал комиссию или только раскачивается?

– Уже две комиссии занимались этой проблемой, – заведующий кафедрой развел руками. – Вторая трясла не только реанимацию, но и всю больницу сверху донизу, вместе с лабораторией и аптекой. Проверяли все, вплоть до условий хранения препаратов. Но ничего найти так не смогли. Все в порядке, однако летальность остается прежней.

– Так не бывает! – усмехнулся Данилов. – Значит плохо трясли или глаза при этом держали закрытыми.

– Ой, нет! – покачал головой шеф. – Трясли как следует, случай-то из ряда вон выходящий. Нарыли, конечно, кучу мелких нарушений, но они не могут объяснить происходящего. Но я пригласил вас, Владимир Александрович, не для того, чтобы посплетничать о проблемах наших коллег, – заведующий кафедрой сделал небольшую паузу, словно раздумывая, продолжать ему или нет. – У меня к вам будет одна просьба, то есть с просьбой ко мне обратился заведующий отделением… Впрочем, давайте по порядку. Денис Альбертович Ирдинкин, так зовут заведующего, в свое время работал на нашей кафедре старшим лаборантом и готовился защищаться, но из-за кое-каких факторов, которые… хм… непосредственно от него не зависели, его на защите завалили. Удар был направлен не против него, а против его научного руководителя. Что ж, бывает, не он первый и не он последний. Я ведь и сам кандидатом стал только со второго захода. Денис мог спокойно дождаться повторной защиты, но он предпочел уйти в практическое здравоохранение. Тогдашнему заведующему кафедрой так и сказал: «объелся я вашей науки до кровавого поноса». В практическом здравоохранении у него тоже не все гладко складывалось и снова не по его вине. Однажды, когда он замещал заведующего отделением, линейный контроль застал одного из дежурных врачей в пьяном виде. Денису дали выговор и прилепили к нему ярлык слабого руководителя. Даже исполнять обязанности больше не ставили, не говоря уже о том, чтобы повышать. Но в сентябре прошлого года заведующий реанимационным отделением девяносто пятой больницы и два врача срочно уволились после обвинения в вымогательстве. Судя по всему, там была настоящая мафия, хорошо организованная система вытягивания денег под соусом «лично нам ничего не нужно, мы клятву давали, но вот медсестер и санитарок неплохо бы простимулировать, чтобы они уделяли больше внимания вашему родственнику».

– Удобная система! – хмыкнул Данилов. – Позволяет брать деньги в то время, пока пациент находится в реанимации и ничего не гарантирует. Ну и что с того, что ваш родственник скончался? Зато до последнего вздоха он лежал чистеньким на свежей простыне.

– Вот именно! – кивнул заведующий кафедрой. – До суда дело не дошло, потому что родственники пациентов подняли шум уже после того, как заплатили деньги. Умнее было бы помочь взять взяточников с поличным…

– Это сложное дело, – заметил Данилов. – Близкий человек лежит в реанимации, жизнь его висит на волоске… В такой ситуации большинство предпочтет заплатить, а не разоблачать. Жизнь-то у всех одна.

– Однако, осенью прошлого года три родственника, практически одновременно, пожаловались главному врачу и в департамент. То ли их что-то не устроило, то ли они поняли, что их элементарно обманули, потому что отношение к пациентам было одинаковым, вне зависимости от «стимуляции», но, так или иначе, поднялась волна. – Владислав Петрович многозначительно поиграл бровями. – Если родственники троих пациентов разом начинают рассказывать о вымогательстве, от этого уже невозможно отмахнуться. Причастные сразу же уволились по собственному желанию. Насколько мне известно, они собирались занять круговую оборону и все отрицать, но главный врач поспешил от них избавиться.

– «To be, or not to be»,[1 - Быть или не быть (англ.)] – прокомментировал Данилов. – В смысле – «по собственному или по статье», вот в чем вопрос.

– Именно так! – кивнул Владислав Петрович. – Те врачи, которые не были непосредственно замешаны в скандале, особого доверия у главного врача не вызывали, поэтому он решил посадить на заведование человека со стороны. Предложил Денису, тот согласился. Возможно, в обычной ситуации нашли бы кого-то другого, но сами понимаете…

Данилов молча кивнул – понимаю. Коронавирусная заваруха привела к выраженному кадровому голоду в медицине. Среди врачей особенно сильной была нехватка анестезиологов-реаниматологов.

– Денису сорок пять лет, – продолжал шеф. – Он прекрасно сознавал, что другого шанса проявить себя у него не будет, и потому подошел к делу очень ответственно. Он вообще очень ответственный человек, не разгильдяй какой-нибудь. И котелок у него варит, так что говорить о некомпетентности, халатности или плохой организации работы отделения вряд ли можно. Человек на своем месте, но ему пришлось нелегко. Врачи отделения не то обиделись на то, что им дали заведующего со стороны, а не назначили кого-то из «своих», не то не захотели работать в условиях жесткого контроля с отсутствием левых доходов, и потому уволились один за другим. Врачебный состав отделения полностью обновился, теперь там работают люди из разных мест, этакая «сборная солянка». Это создает дополнительные сложности, которые исчезнут только тогда, когда люди притрутся друг к другу. Но Денис старается… Он изо всех сил старается, однако при всех своих стараниях имеет настолько высокий показатель летальности. Сам Денис не может понять причину, больничная администрация не может, две комиссии тоже не смогли. После второй комиссии

Дениса сняли с заведования, но пока оставили в качестве исполняющего обязанности. Но как только пандемия закончится и ситуация с кадрами выровняется, Дениса сразу же турнут. А может и раньше турнут, если он не сумеет в скором времени снизить летальность хотя бы до десяти процентов. На его счастье, у журналистов сейчас есть более интересные темы, так что эта история пока еще не стала достоянием общественности. Но рано или поздно шум поднимется и тогда…

Шеф горестно развел руками.

– Так не бывает! – повторил Данилов. – Простите, Владислав Петрович, но ничего не происходит без причины, а при желании причину найти всегда можно и если что-то укрылось от глаз комиссии, то от заведующего отделением ничего никогда не укроется. Если, конечно, он не круглый дурак.

– Денис Альбертович не дурак, – шеф слегка нахмурился. – И он действительно не может найти причину. Поэтому-то он и обратился ко мне за помощью, по старой, так сказать, памяти. Но дело не столько в нашем давнем знакомстве, Владимир Александрович, а в том, что умирают люди, которые умирать не должны. Трое из каждой четверки умерших могли бы остаться в живых! Выслушав Дениса, я сразу же подумал о том, что лучше вас никто в этом деле разобраться не сможет.

– Почему? – удивился Данилов.

– Вы – умный человек с разносторонним профессиональным опытом. Те, кто хорошо вас знает, в один голос говорят, что вы очень внимательны к деталям и ничего не упускаете, вы умеете находить общий язык с разными людьми…

Данилов слушал, не перебивая. Редко когда удается услышать такую обстоятельную похвалу из уст начальства.

– …и вашему присутствию в отделении можно найти подходящее объяснение.

– Это какое же? – удивился Данилов.

– Все знают, что вы работаете над докторской…

Данилов смущенно улыбнулся. «Работаете» – это слишком громко сказано. На самом деле он иногда думал о том, что пора бы уж и начать двигать свою докторскую диссертацию. Но руки все никак не доходили…

– Вы устроитесь дежурантом на полставки или на четверть, как вам угодно, для того, чтобы набрать практический материал по вашей теме.

– Моя диссертация посвящена особенностям высокочастотной струйной искусственной вентиляции легких у пациентов пожилого и старческого возраста, – напомнил Данилов. – В нашей больнице я могу набирать материал с таким же успехом, а устраиваться совместителем на сторону мне совершенно не требуется.

– Тему можно придумать любую, – возразил заведующий кафедрой. – Начиная с анестезиологического обеспечения высокотравматичных операций на органах гепатопанкреатодуоденальной зоны[2 - Зона печени, поджелудочной железы и двенадцатиперстной кишки.] и заканчивая методами коррекции центральной гемодинамики[3 - Гемодинамикой называется движение крови по сосудам, возникающее вследствие разности гидростатического давления в различных участках кровеносной системы.] при эпидуральной анестезии.[4 - Метод обезболивания, при котором обезболивающие препараты вводятся в пространство между твердый оболочкой спинного мозга и позвонками.] А лучше всего изучать дифференцированный подход при формировании стратегии и тактики интенсивной терапии при какой-нибудь патологии, потому что такие темы требуют огромного материала. Вам хочется защититься как можно скорее и потому вы набираете материал на стороне. Как-то так.

«Если бы хотелось, то давно бы уже стал профессором», – подумал Данилов.

– Денис Альбертович пошел вам навстречу…

– А Денис Альбертович сознает, чем это может для него закончиться? – Данилов пристально посмотрел в глаза шефу.

– Что вы имеете в виду? – удивился тот.

– А то, что у меня уже есть готовый ответ, Владислав Петрович.

– Вы шутите?

– Нет, я говорю серьезно, – заверил Данилов. – Что мы имеем в условии задачи? Полностью обновленный врачебный состав под руководством компетентного заведующего – это раз. Очень высокий процент летальности в отделении – это два. Невозможность установления причины – это три. Решение лежит на поверхности, вам не кажется?

– Нет, не кажется! – в голосе шефа зазвенели нотки раздражения. – Неужели вы думаете, что Денис как-то к этому причастен?

– Уверен! – категорично отрезал Данилов. – Заведующий всегда в курсе того, что происходит у него в отделении, особенно в том случае, если работа организована в дежурном режиме. Когда люди сутками находятся на глазах друг у друга, ничего утаить невозможно. Вы говорите, что две комиссии ничего не нашли? А почему? Да потому что концы были хорошо спрятаны в воду. В история болезни делались ложные записи, к которым невозможно было придраться. Как вы думаете, Владислав Петрович – можно ли «фокусничать» с записями без ведома заведующего отделением?

– Вряд ли, – признал шеф. – Ну раз проскочит, ну другой… Но Денис же сам попросил помочь разобраться!

– Вы рассказы о Шерлоке Холмсе читали? Помните «Москательщика на покое»?

– «Москательщик на покое»? – переспросил шеф, не ожидавший подобного поворота беседы. – Помню-помню… Это смешной рассказ, в котором запах газа заглушали краской вместо того, чтобы просто проветрить помещение.

– Я не это имел в виду, – улыбнулся Данилов, – а то, что преступник сам обратился к Холмсу, желая отвести от себя подозрения как можно дальше. Денис Альбертович покрывает своих подчиненных в надежде на то, что они скоро наберутся опыта, притрутся друг к другу и перестанут косячить. В нынешней ситуации увольнять аиров[5 - Аир – сокращенное жаргонное название анестезиолога-реаниматолога.] боязно. Могу предположить, что Денис Альбертович изрядно намучился с поиском новых врачей взамен тех, что уволились, и не хочет снова начинать эту кутерьму. К тому же не факт, что на место уволенного плохого врача придет хороший. Вот и приходится ему ловчить

и изворачиваться, напускать туману, в частности – просить у вас помощи. Как вам моя версия?

Заведующий кафедрой не спешил с ответом. Посмотрел на потолок, задумчиво пожевал губами, а затем покачал головой.

– Нет, Владимир Александрович. Все совсем не так, как вы думаете, хотя должен признать, что ваша версия очень логична. Но вы не знаете Дениса, а я его знаю. Человек, который способен действовать так, как рассказали вы, ни за что бы не оставил кафедру, а дождался бы повторной защиты. Денис – искренний человек, он не способен притворяться.

– Когда-то был неспособен, – уточнил Данилов, – а потом жизнь научила. Tempora mutantur…[6 - Tempora mutantur et nos mutamur in illis (лат.) – времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (дословно: «в них»).]

– Нет! Все же – нет! – сказал шеф с таким выражением лица, будто съел что-то кислое. – Денис не такой! Впрочем, если дело обстоит так, как вы говорите, то вы это быстро увидите. Изнутри же хорошо видно, прячут концы в воду или нет. Ну так что, Владимир Александрович? Беретесь?

– Вы должны понимать, Владислав Петрович, что если я возьмусь, то не пойду ни на какие компромиссы, – предупредил Данилов.

– Какие могут быть компромиссы, когда умирают люди?! – взгляд шефа стал жестким. – Если бы мне был нужен заранее известный результат, я бы отправил туда Савельева!

Пришедший на кафедру в начале прошлого года доцент Савельев был конформистом наивысшего дана. Олег Тарасович поначалу радовался, что приобрел столь вменяемого сотрудника, но скоро понял, какого змея пригрел на груди, и радоваться перестал.

– Мне кажется, что мы не вправе оставаться в стороне, если можем помочь, – с несвойственной ему мягкостью сказал шеф. – Разумеется, можно сказать, что это не наше дело, пусть разбирается департамент, но департамент не смог разобраться, потому что комиссии могут обнаружить только то, что лежит на виду. А там что-то другое, Владимир Александрович. Вы со мной согласны?

– Согласен, – кивнул Данилов. – Резкий всплеск летальности в течение одного месяца можно объяснить стечением обстоятельств – мол, везли к нам исключительно крайне тяжелых. Но несколько месяцев… Кстати, Владислав Петрович, а когда именно начала расти летальность?

– С октября прошлого года, буквально с первых дней заведования Дениса. В октябре было… – шеф заглянул в настольный органайзер, – двенадцать процентов, в ноябре – девятнадцать с половиной, а в декабре – тридцать один и восемь. В январе работала первая комиссия, но несмотря на это летальность осталась прежней – тридцать два процента. В середине февраля работала вторая комиссия, а февральская летальность составила тридцать один процент.

– А когда начали увольняться старые врачи?

– В октябре, сразу же после того, как туда пришел Денис. Ушли буквально один за другим. Разумеется, все отрабатывали две положенные недели…

– И пока они работали летальность составляла двенадцать процентов, что в общем-то плохо, но вполне укладывается в рамки, – сказал Данилов. – А как пришли новые врачи, пациенты начали умирать более интенсивно… И вы еще сомневаетесь в правильности моей версии, Владислав Петрович?

– Докажите и я перестану сомневаться! – хмыкнул шеф.

«Думаешь, что ты меня на кривой козе объехал? – мысленно усмехнулся Данилов. – Как бы не так! Но ведь люди умирают…».

– Попробую доказать, – осторожно ответил он.

– Я разгружу вас, насколько это будет возможно, – пообещал шеф. – Официальную версию примем такую – вы наконец-то решили вплотную заняться докторской, и я пошел вам навстречу.

«Не мытьем, так катаньем быть тебе, Владимир Александрович, доктором наук», сказал внутренний голос.

Глава вторая

И проклял демон побежденный…

«Обследование начинается со знакомства, – говорил студентам профессор кафедры пропедевтики[7 - Пропедевтика внутренних болезней изучает основы диагностики.] Бадалов. – Прежде всего нужно установить с пациентом контакт…». С этого Данилов и начал – позвонил Денису Альбертовичу и предложил встретиться где-нибудь в неофициальной обстановке.

– Давайте у меня, – сразу же предложил тот. – Гулять холодно, в заведениях – режим, а дома можно нормально пообщаться, без масок. Я могу приготовить стейки…

– Стейки, это, пожалуй, лишнее, – заметил Данилов, в планы которого не входило застольничать с Денисом Альбертовичем. – Кофе или чая будет вполне достаточно. Без каких-либо дополнений.

Сам, правда, пришел с дополнением – банкой датского печенья, которое среди медиков называется «датским» не только по стране происхождения, но и потому, что его часто дают, то есть преподносят в виде благодарности, пациенты. Неловко же заявляться в гости, пускай и по делу, с пустыми руками. Это хорошо, что представилась возможность посмотреть на Дениса Альбертовича в домашней обстановке, которая может многое рассказать о человеке, особенно тому, кто долгое время проработал на «скорой». Вызов всегда начинается с оценки того, куда ты приехал, и только потом смотришь – к кому ты приехал.

Денис Альбертович жил в замечательном доме у станции метро «Проспект Мира». Очень удобно жить на пересечении двух веток, особенно если одна из них кольцевая. Ну а если вдобавок потолки высокие и окна выходят на Аптекарский сад, тот тут любой позавидует. Квартира в таком доме сама по себе наводила на подозрения – с каких это доходов семья врачей (жена Дениса Альбертовича работала эндокринологом в клинико-диагностическом центре) может позволить себе такое приобретение? Но когда Данилов похвалил вид на огород, который, честно говоря, в марте особого впечатления не производил, Денис Альбертович ответил:

– Все гости этим садиком восхищаются, а я к нему привык с рождения и ничего особенного не вижу.

Стали быть, квартира не купленная, а унаследованная от родителей.

Внешне невысокий, лысый и подвижный Денис Альбертович напомнил Данилову комика Луи де Фюнеса. Только нос у него был поменьше и мимика не такая живая, как у знаменитого француза.

В замечательной квартире кроме них никого не было.

– Сын раньше полуночи домой не приходит, а супруге я посоветовал после приема родителей навестить, – сказал Денис Альбертович. – Не хочется при ней разговаривать, она и так волнуется постоянно.

Данилов решил сразу же, что называется – с места в карьер, проверить свою версию относительно прятания концов в воду.

– Мне сразу же пришла в голову мысль о том, что ваши врачи недостаточно компетентны и потому часто допускают ошибки, а вы их покрываете, – сказал он, усевшись на диван в гостиной. – А к Владиславу Петровичу вы обратились для блезира, чтобы отвести подозрения от себя. Я так Владиславу Петровичу и сказал.

Расчет был простым, как внутримышечная инъекция. Если так оно и есть, то Денис Альбертович изобразит великое возмущение – я вас о помощи попросил, а вы меня же обвиняете?! – и укажет Данилову на дверь. Вполне возможно, что и жестянку с печеньем в спину швырнет… На этом дело можно будет считать законченным. Тут уж, как говорится, без вариантов. Но Денис Альбертович горестно покачал головой и ушел на кухню готовить кофе.

«Будь начеку! – предупредил внутренний голос. – Сейчас он выскочит оттуда с тесаком и порубит тебя в капусту!». Внутреннему голосу очень понравилась идея с расследованием и он сразу же начал ерничать.

Вместо тесака Денис Альбертович явился с подносом, на котором кроме двух чашек стояли вазочки с шоколадными конфетами и финиками. Расставив все на

журнальном столике, он убрал поднос на полку под столешницей и только тогда ответил:

– Мне председатель последней департаментской комиссии сказал то же самое, только в более резкой форме. Вы, мол, тут все друг дружку покрываете, сукины дети, а в департаменте все за головы хватаются. Но ничего, мы вас выведем на чистую воду! Так что мы ждем третьей комиссии, которая для меня, зама по аир[8 - «Зам по аир» – жаргонное название заместителя главного врача по анестезиологии и реанимации.] и главного врача явно будет последней. Вот я и решил обратиться к Владиславу Петровичу. Вдруг вы поможете? Я своих сотрудников не покрываю, я просто стараюсь их в обиду не давать, но о том, чтобы закрывать глаза на ошибки и речи быть не может, особенно в подобной ситуации. Но сказать можно все, что угодно, я понимаю. Будет лучше, если вы убедитесь в этом сами. Владислав Петрович сказал, что инспекция будет негласной. Что ж, ставки свободные у меня есть, можете выходить хоть завтра.

– Завтра я хотел бы прийти к вам днем для знакомства с отделением, – ответил Данилов, думая о том, что торопиться с выводами относительно Дениса Альбертовича не стоит – очень умный человек может избрать и такую тактику защиты. – А выйти могу послезавтра. Предпраздничная суббота – очень удобный день для наблюдений. Допуск,[9 - Имеется в виду допуск к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, который оформляется при трудоустройстве.] разумеется, оформить не успеем…

– Назначения могут делать ваши напарники, – махнул рукой Денис Альбертович. – И вообще для первого раза я поставлю вас третьим, как бы на стажировку. Правда, в ординаторской только два дивана, но я вам дам ключ от своего кабинета.

– И сотрудники сразу же задумаются – что это за фрукт-ананас такой? – хмыкнул Данилов. – Почему к нему особое отношение? Не хотелось бы, чтобы они так думали.

– А что тут такого? – удивился Денис Альбертович. – Мой бывший кафедральный наставник попросил меня помочь его сотруднику в сборе материала для докторской, а я, по старой памяти, согласился. Да, разумеется, как доцент кафедры вы будете на особом положении, но в этом нет ничего подозрительного. Как говорится – по заслугам и почет.

– Не жалеете, что ушли с кафедры? – спросил Данилов.

– Жалею, что четыре года там потерял, – ответил Денис Альбертович и вроде как, сказал правду, во всяком случае, ни в голосе, ни во взгляде Данилов не почувствовал ни малейшей фальши. – Правда, жалеть я начал не сразу… Уходил на нервах, сгоряча, а после осознал, что поступил правильно. Я же по натуре практик, а не теоретик.

– Тогда скажите мне, как практик, что вы думаете о происходящем?

Задав вопрос, Данилов спохватился, что кофе остывает и сделал маленький дегустационный глоточек. Кофе оказался очень даже неплохим. Данилов уважительно хмыкнул.

– Турка и только турка, – прокомментировал хозяин. – Я не признаю кофемашин.

– Главное, чтобы кофе был хороший, – дипломатично ответил Данилов, в свое время перешедший из лагеря убежденных «турочников» в лагерь конформистов, признающих и турку, и машину. – Так что же вы думаете, Денис Альбертович?

– Не знаю, что и думать, – Денис Альбертович шумно вздохнул и развел руками. – Голову сломал. В самом начале думал, что это старые сотрудники пытаются меня подставить. Люди же разные, некоторые готовы пожертвовать пациентом для того, чтобы досадить неугодному начальнику. Я же буквально каждый день выслушивал сентенции на тему: «Прислали нам непонятно кого». Когда все старые врачи свалили, я вздохнул с облегчением – ну уж теперь-то все будет в порядке. Однако, стало еще хуже. В декабре летальность дошла до тридцати двух процентов! Я неделями из отделения не вылезал, пытался понять, что происходит, но так ничего и не понял. Вроде бы все делается, как надо, а пациенты умирают. Грешили на больничную аптеку, но вторая комиссия трясла ее так, что заведующая чуть инфаркт не получила. Проверяли все, сверху донизу, образцы на исследование забирали, однако же ничего не нашли. С препаратами, которые мы получаем из аптеки, все в порядке. И у нас они хранятся так, как нужно. Должен сказать, что со старшей медсестрой мне крупно повезло. Четкая женщина, я рад, что она осталась в отделении. Но, тем не менее, сам практически ежедневно проверяю что как хранится. Я вообще все-все проверяю, как заведенный. У меня уже невроз сформировался – если выдается свободная минутка, я устраиваю какую-нибудь проверку. Зам по аир к

нам заглядывает часто, раз в неделю бывают начмед[10 - «Начмед» – жаргонное название заместителя главного врача по медицинской части.] с главной медсестрой, про линейный контроль департамента я вообще не говорю – одно время приезжали чуть ли не каждый день, сейчас, правда, поутихли… Все ищут недочеты, но никто ничего найти не может. У нас все, как положено, как должно быть. Некоторые сотрудники на этой почве ударились в мистику – списывают все на проклятие моего предшественника. Говорят, что увольняясь он на весь корпус орал: «будьте вы прокляты!»…

– И проклял Демон побежденный… – вырвалось у Данилова.

– Вот-вот! – кивнул Денис Альбертович. – Я удивляюсь тому, какая каша в головах некоторых людей. Ну как можно в наше время верить в проклятия и сглазы? Особенно при наличии медицинского образования… Так верят же! Есть у нас доктор Гармашук, так он на дежурство приходит весь обвешанный амулетами. На шее какая-то молитва в мешочке и камешек заговоренный, в кармане четки, которые якобы должны отводить несчастье, на запястьях ниточки с узелками… Ниточки, правда, я запретил – как с ними в операционную? У нас ротация – месяц в операционной, два месяца в отделении. Так теперь свои ниточки на ногах носит. Но ничего не помогает. В феврале у Гармашука умер пациент с диабетом, которого привезли к нам в коматозном состоянии. Мы его с того света вытянули, полностью стабилизировали и уже готовили к переводу в отделение, но у него вдруг возникла желудочковая фибрилляция,[11 - Желудочковая фибрилляция (фибрилляция желудочков) – представляет собой нескоординированные сокращения мышечных волокон желудочков сердца. При этом состоянии сердце не может перекачивать кровь.] которую купировать не удалось. Вот ни с того, ни с сего! Лечили его правильно, стабилизировали, но в результате получили труп. Почему? Не знаю! Разумеется, все шишки валятся на меня – при Хобте, прежнем заведующем, летальность держалась в пределах семи с половиной процентов, а при мне, – Денис Альбертович ткнул себя в грудь оттопыренным большим пальцем, – поперла расти, как на дрожжах. Да, я понимаю, что заведующий отвечает за все происходящее в отделении. Но я не могу понять, что происходит. Иногда думаю – пусть меня снимут с заведования и выгонят к чертовой матери, только бы разобраться… Еще кофе?

– Не откажусь, – улыбнулся Данилов.

Пока Денис Альбертович был на кухне, Данилов попробовал разобраться в собственных впечатлениях и пришел к выводу, что в целом тот ему нравится.

«Но это еще ничего не означает!», тут же заметил внутренний голос. Да, не означает. Преступники могут быть крайне обаятельными людьми. Даже маньяки обаятельные попадаются.

Когда Денис Альбертович вернулся, Данилов попросил рассказать историю снятия предыдущего заведующего.

– Я, собственно, сам с ним знаком не был и знаю все с чужих слов, но столько раз слышал об этом от разных людей, что вижу все, словно наяву. Мой предшественник и кое-кто из врачей отделения занимались вымогательством денег под предлогом стимулирования среднего и младшего персонала. Медсестры в этом, насколько я понимаю, не участвовали, все делалось на врачебном уровне, причем очень осторожно, намеками. Если родственники намеков не понимали или не хотели понимать, то их оставляли в покое. За наркоз или за вытягивание с того света деньги никогда не просили, только за уход. Но суммы, насколько мне известно, были крупными. В среднем брали по десять тысяч за сутки, а если пациент был на ИВЛ,[12 - ИВЛ – искусственная вентиляция легких.] то не меньше пятнадцати…

– Неплохо, – присвистнул от удивления Данилов. – Даже если заплатят за троих пациентов, то уже получается внушительная сумма.

– Но при этом всех пациентов старались лечить качественно, – продолжал Денис Альбертович, – и уход за ними был адекватный…

– Естественно, – кивнул Данилов. – Лишние проблемы никому не нужны. Рыба лучше ловится в тихой воде.

– И вообще для любого вымогательства важно, чтобы у отделения была бы хорошая репутация, – добавил Денис Альбертович. – Могу предположить, что вымогательством занимались все врачи отделения, а не только те, на кого нажаловались. Один из старых врачей, между нами говоря – тот еще мерзавец, при увольнении прямо сказал мне, что он не привык жить на одну зарплату. Да и по тачкам было видно, что люди не бедствуют, отнюдь… Но какой смысл обсуждать это сейчас, когда из старых сотрудников остались только сестры и санитарки? Им на меня обижаться не за что. Они не видели никаких особых благ от моего предшественника, врачи с ними не делились. Старшая сестра как-то раз сказала, что со мной гораздо приятнее работать, чем с Михаилом

Юрьевичем. Я, мол, не гноблю людей за каждую оплошность, как он.

– Ну сказать можно что угодно, – заметил Данилов.

– Ирина Константиновна подтвердила свои слова делом, – не без гордости сказал Денис Альбертович. – Ее сманивали в приемное отделение, обещали огромные премии и прочие плюшки, но она сказала, что полностью довольна своей нынешней работой и никуда переходить не собирается.

«Еще бы! – подумал Данилов. – У старшей медсестры приемного отделения жизнь такая, что никаких премий не захочешь. Плюшки хороши, когда ими не давишься…».

– Она помогала мне налаживать работу, – продолжал Денис Альбертович. – Пыталась удерживать увольняющихся медсестер, в момент особо острой нехватки персонала выходила на дежурства сама. В общем, человек она надежный и если бы держала камень за душой, то так стараться бы не стала. Ну а потом – как старшая сестра отделения может влиять на летальность? Она не назначает лечение и никак не взаимодействует с пациентами. Медсестру еще можно заподозрить в том, что она ввела пациенту не то, что назначил врач. Но вы сами увидите, какой контроль установился сейчас в нашем отделении. Пока сестра набирает лекарство в шприц, врач у нее в прямом смысле над душой стоит. Все флаконы перед постановкой проверяются… Ну и вообще у сестер нет возможности самовольничать. А сестры, в свою очередь, следят за врачами… Я иногда думаю – может эта нервозная обстановка во всем виновата? Черт его знает… Тут поневоле в мистику ударишься, благоприятные дни высчитывать начнешь.

– Благоприятные дни? – удивленно переспросил Данилов. – В каком смысле «благоприятные»?

– В самом прямом – для работы! Есть у нас доктор Дебихина, полная, между нами говоря, дура, которую я терплю только потому, что заменить некем, так вот она высчитывает свои благоприятные дни на следующий месяц и в другие дни работать категорически отказывается. Мало мне проблем с составлением графика, так еще я должен помнить, когда Марина Степановна согласна выходить, а когда нет!

– Вот вы сказали «дура, которую я терплю», – поймал собеседника за язык Данилов. – А может это она вам статистику портит? И вообще много ли кого вам приходится терпеть?

– Я представляю ход ваших мыслей, – улыбнулся Денис Альбертович. – Нет, не много кого, Дебихина у нас одна такая. Типичный, в общем-то, случай – медсестра выучилась на врача, а уровень мышления у нее так и остался сестринским. Чего стоит доктор Дебихина и что ей можно поручать, стало известно уже на первом ее дежурстве, так что теперь я использую ее исключительно в качестве ассистента при грамотном докторе и, вообще, стараюсь ставить ей дневные смены. Ничего, кроме, наблюдения за пациентами в зале, ей не поручается, в мало-мальски сложных случаях привлекается старший врач смены. Как результат – у Марины Степановны самая лучшая статистика среди врачей. Так что ничего она нам не портит, потому что мы не позволяем ей этого делать.

– А какая причина смерти лидирует среди условно-необъяснимых вы не выясняли?

– Да там все, что только может быть, – поморщился Денис Альбертович, – начиная с фибрилляции и заканчивая анафилактическим шоком. Завтра под маркой поиска нужного материала вы сможете посмотреть всю документацию. Но доминирующей причины у нас нет, это точно. Люди умирают от разных причин, в каждом случае действия персонала признаются правильными, сомнений в отношении препаратов, получаемых из аптеки у нас нет, но, тем не менее, летальность в четыре раза больше средней по Москве. Такая вот задачка с многими неизвестными. Вам еще хочется попробовать ее решить или уже нет?

– Если честно, то еще сильнее захотелось, – ответил Данилов. – Я люблю решать задачи и не люблю, когда умирают люди.

– Если вы ее решите, то с меня «поляна» в любом ресторане, – пообещал Денис Альбертович. – Хоть в «Фифти», хоть в «Принцессе Грёзе», хоть в «Эль Маримари».

– Да я местов-то таких не знаю, – ответил Данилов, подумав о том, что бы сделала с ним за слово «местов» покойная мама, преподававшая школьникам русский язык и литературу. – Я человек простой, негламурный. Был бы финик к

кофейку – и ладно.

Денис Альбертович понял намек и ушел варить третью порцию бодрящего напитка. Оставшись в одиночестве, Данилов подумал о том, что если отбросить первую версию, которую после знакомства с Денисом Альбертовичем хотелось отбросить, то на ее место нечего будет поставить. Никаких других предположений в уме не возникало. С пациентом все в порядке, то есть – нет оснований ожидать летального исхода. Это раз. Персонал делает все правильно, это два. Препараты используются нормальные, которые правильно хранились в правильных местах, это три. Но при всем том летальность выше тридцати процентов. Вот о чем тут можно подумать? О влиянии какого-то нераспознанного внешнего фактора? Например, кто-то из врачей принес в ординаторскую сувенир или, скажем, кружку, сделанную из «фонящего» материала?.. Чушь! Во-первых, у облучения есть свои симптомы, а, во-вторых, от него бы в первую очередь страдали бы сотрудники, которые проводят в отделении по восемь-десять суток в месяц, а не пациенты, чье пребывание кратковременно. Какая-то новая инфекция, вызывающая парадоксальные реакции на препараты?.. Тоже чушь! В наше коронавирусное время, когда все ходят в масках да респираторах, когда все обрабатывается-стерилизуется в режиме нон-стоп, инфекции особо разгуляться не могут. Да и не ограничилась бы инфекция стенами одного реанимационного отделения, очень скоро пошла бы гулять по всей больнице, а затем и по всей Москве… Но в других отделениях, не говоря уже о других стационарах, летальность не возрастает. Непростая, однако, задачка.

«Шерлок Холмс решил бы ее в один момент! – проворчал внутренний голос. – Он не стал бы тратить время на обдумывание фантастических версий, а понаблюдал бы и сделал выводы».

– Будем наблюдать! – вслух пообещал Данилов.

– Это вы о чем? – спросил Денис Альбертович, принесший на подносе чашки со свежесваренным кофе.

– Да это я сам с собой беседую, – усмехнулся Данилов. – Так задачки легче решаются… Особенно те, которые со многими неизвестными.

Глава третья

Задачка со многими неизвестными

– Данилов, ну чего тебе спокойно не живется, неугомонный ты мой? Только-только вернулся с коронавирусного фронта и снова нашел себе приключение! Лучше бы действительно диссертацией бы занялся…

Реакция жены была ожидаемой. Ни на что иное Данилов и не надеялся. Ничего – выговорится и остынет.

– Так я и займусь, – пообещал он. – Раз уж представился такой случай. Я же не только расследование вести буду…

– Да ты только им и будешь заниматься! – махнула рукой Елена. – А то я тебя не знаю. До сих пор удивляюсь тому, как ты кандидатскую сподобился защитить!

– Однако же сподобился…

– Я так понимаю, что восьмое марта мы с Машкой празднуем без тебя!

– Я дежурю завтра, шестого марта, – напомнил Данилов. – А затем два дня отдыхаю. Седьмого, как положено, сделаю предпраздничную уборку и что-нибудь приготовлю, заодно повешу на кухне новый карниз. А восьмого марта мы предпримем что-нибудь развлекательное.

Новый карниз стоял в углу еще с докоронавирусных времен. Сначала Данилов не собирался вешать его до тех пор, пока жена не купит новые занавески – делать, так уж разом, потом, когда вопрос с занавесками был решен, до карниза все никак не доходили руки. Время от времени он с великим грохотом падал на пол. Дочь Маша всякий раз истошно визжала, а жена страдальчески вздыхала и поджимала губы. Но долг мужской чести требовал, чтобы перед женским праздником карниз переехал по месту постоянной прописки.

– Так я тебе и поверила! – усмехнулась Елена. – Ты притащишь с дежурства кучу документации и просидишь над ней все выходные. Или умотаешь восьмого с утра пораньше допрашивать свидетелей.

– Каких свидетелей?

– Не знаю! Каких-нибудь. Все сыщики по выходным мотаются по свидетелям, а их жены скучают дома. Но я не стану скучать. Мы с Машкой съездим в Коломну, давно уже собирались.

– Вместо того, чтобы говорить глупости, лучше бы сказала что-нибудь умное, – посоветовал Данилов. – Меня очень интересует твое мнение, как руководителя высокого ранга с большим стажем. Ситуацию я тебе обрисовал, насколько сам ее знаю. Какие будут предположения?

– Предположения? – хмыкнула Елена, мгновенно переключившись из скандального режима в рабочий. – Предположение может быть только одно – высокая летальность является следствием пофигизма. Как руководитель высокого ранга с большим стажем я точно знаю, что все проблемы происходят от пофигизма. Не знаю, как в других сферах, но в медицине все настолько четко регламентировано, что при соблюдении всех правил проблем быть не должно. Я твоего Дениса Робертовича не видела, но могу с уверенностью предположить, что заведующий из него как из лягушки прокурор! И решение у этой проблемы может быть только одно – полное обновление отделения! Разогнать всех, от заведующего до санитарок, и набрать новых сотрудников! Тогда все будет в порядке.

– Во-первых, он Альбертович, а не Робертович, – поправил Данилов, сильно не любивший, когда его называли Владимиром Алексеевичем, Василием Александровичем или, к примеру, Владиславом Андреевичем. – А, во-вторых, это в мире магии можно взмахнуть волшебной палочкой, сказать: «докторус натус» и перед тобой появятся тридцать три доктора во главе с дядькой Черномором в роли заведующего. Но в реальном мире, особенно в нынешней ситуации, ощущается выраженный дефицит медицинского персонала. В-третьих, как это «разогнать всех»? За что? Сначала надо предъявить обвинение, а после уже увольнять, иначе главного врача засудят до кондратия. И, вообще, далеко не всегда причины лежит на поверхности. Могу рассказать тебе один случай из скоропомощной практики. Еще до твоего прихода на шестьдесят вторую подстанцию работали у нас доктор Тюкавкин по прозвищу «Тюлень» и фельдшер Фахрутдинов. Оба опытные, знающие, Тюленя старшим врачом на восьмую подстанцию звали, но он не захотел с линии уходить. Однако, когда их ставили работать вместе, у них чуть ли не в каждое дежурство была смерть в

присутствии,[13 - То есть смерть пациента в присутствии бригады скорой помощи.] а иногда и две. Если работают порознь, то все путем, а как вместе сойдутся, так кого-то обязательно потеряют. Вот просто проклятье какое-то, ничем другим объяснить это было невозможно. Со временем их перестали ставить вместе, от греха подальше. В чем было дело я догадался позже, когда Тюлень уже ушел на платную «скорую». Но прежде, чем я скажу свое мнение, хотелось бы услышать твое. Только варианты «выпивали вместе» или «ширялись на пару» можешь сразу отбросить. Мужики были правильные, на работе ничего себе не позволяли, да и вообще с бутылкой не дружили, не говоря уже о чем-то другом.

– Правильные, опытные, знающие, но как вместе сойдутся, так кого-то угробят, – повторила Елена условия задачи. – Хм! А какие у них были отношения друг с другом?

– Самые что ни на есть задушевные, – ответил Данилов. – Рыбачить вместе ездили, а это серьезный показатель, ведь рыбу можно ловить только в приятной дружественной компании. И вообще оба были спокойными неконфликтными мужиками. Фархутдинова ты тоже не застала, он незадолго до твоего появления переехал в Свиблово и перевелся на семнадцатую подстанцию.

– Не могу ничего предположить, – сказала Елена после минутного размышления. – Скорее всего – простое совпадение, раздутое до уровня проклятия.

– Один или два раза – совпадение, а двадцать или больше – уже система, – ответил Данилов. – Причем – никакого пофигизма там и в помине не было, мужикии выкладывались на вызовах по полной программе. Пациент умрет, а родственники потом благодарность пишут – какие замечательные врачи к нам приехали, как они старались нашего дедушку спасти!

– Один из них был скрытым маньяком? – предположила Елена. – Пускал новокаинамид по вене экспрессом[14 - «Пускать экспрессом» на скоропомощном жаргоне означает быстрое введение препарата. Раствор новокаинамида полагается вводить очень медленно с примерной скоростью 1 миллилитр в минуту.] и все такое?

– Нет, – мотнул головой Данилов. – Еще будут предположения?

Елена молча развела руками, давая понять, что других версий у нее нет.

– Меня осенило, во время совместного дежурства с Фархутдиновым. Попался сложный отек легких у астматика с сердечной недостаточностью, я задумался ненадолго, а после вызова Фархутдинов мне по-свойски попенял на то, что я, дескать, торможу, когда дорога каждая секунда. И тут до меня дошло – они с Тюленем были торопыги-рекордсмены, два сапога пара. Когда вместе дежурили, то выделывались друг перед другом на скорость. Скорость важна, но иногда нужно притормозить и подумать, чтобы не наломать дров. Когда они работали порознь, то их «уравновешивали» напарники, потому все было в рамках обычного. Я Фархутдинову так и объяснил.

– А он что?

– А он надулся и сказал, что нечего валить с больной головы на здоровую. Мы же, в конце концов, скорая помощь, а не медленная. Короче говоря, не понял он меня.

– Интересная история! – сказала Елена. – Я сделаю из нее задачку на сообразительность и посмотрю, что скажут коллеги.

– Начинай с главного врача, – поддел Данилов, – и не забудь рассказать мне, что он ответит.

Елена была заместителем главного врача московской станции скорой помощи и директором юго-восточного регионального объединения[15 - Директор регионального объединения – руководитель объединения из нескольких подстанций Московской скорой помощи, расположенных по соседству друг с другом.] номер пять.

– Я на собрании всех разом озадачу, – улыбнулась Елена, – так удобнее и никому не обидно. Разумеется, без подробностей. Разве что скажу, что это случай из практики моего замечательного мужа, который в скором времени затмит своими подвигами Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро, комиссара Мегрэ и майора Пронина вместе взятых.

– Вообще-то моим идеалом всегда был Пал Палыч Знаменский, – ответил Данилов. – Он свой и понятный, практически – современник.

– У Пал Палыча были Томин и Зиночка, – возразила Елена. – А ты типичный волк-одиночка.

– Ну почему же… – укоризненно протянул Данилов. – Совсем не одиночка. У меня тоже есть Зиночка и условный Томин.

– Так-с! – сверкнула глазами жена. – С этого момента прошу поподробнее. Что за Зиночка? Почему я о ней ничего не знаю?

– Потому что я познакомился с ней только сегодня, – ответил Данилов успокаивающим тоном. – Это старшая сестра отделения анестезиологии и реанимации Ирина Константиновна. Очень милая женщина, сильно переживает по поводу происходящего, сочувствует Денису Альбертовичу…

– Она симпатичная? – деловито осведомилась Елена.

– С тобой не сравнишь, но в целом очень даже ничего.

У Ирины Константиновны были волшебные глаза – большие, миндалевидные, невероятного кобальтового оттенка, насыщенного и колдовского. Высокие скулы, точеный носик и крупный рот с сочными губами довершали впечатление. При таком лице высокий рост и хорошая фигура выглядели приложением, а не достоинствами. Если бы друг Полянский увидел Ирину Константиновну, то вполне мог бы потерять свою голову. Данилов голову не терял, но смотреть на красивую женщину всегда приятно. А если она еще и умна, да вдобавок хочет тебе помочь…

– Я лично считаю, что Денис Альбертович – идеальный заведующий, – сказала Ирина Константиновна, когда они остались в ординаторской одни (Данилов делал вид, что просматривает истории болезни, но на самом деле хотел пообщаться с народом после официального представления его в качестве нового совместителя). – Наш бывший заведующий Михаил Юрьевич был хорошим врачом, но как человек… – она скорчила гримасу, – оставлял желать лучшего. Он не любил и не уважал людей, рассматривал их только с точки зрения полезности. Чуть что не так – вылетишь вон вперед собственного визга. Когда у одной из девочек умерла двоюродная сестра в Челябинске, он не хотел отпускать ее на похороны. Подумаешь – какая-то дальняя родственница! А кто

работать будет? Медсестра сказала, что полетит в Челябинск в любом случае. Хотите – увольняйте по статье за прогул, мне без разницы. Михаил Юрьевич сразу осекся и врубил задний ход – раз уж так, то конечно дам неделю за свой счет. Но это в нем не совесть заговорила, а прагматизм. Ясное дело, что проще отпустить медсестру на несколько дней, чем искать новую. Ничего личного, только голый расчет. С такими людьми работать можно, если к ним притрешься, но неприятно, – Ирина Константиновна брезгливо поморщилась. – А вот Денис Альбертович – совершенно другой. Если он может пойти навстречу, то пойдет без вопросов. Не знаю, как врачи, а сестры и санитарки от него в восторге. Среднему и младшему персоналу всегда больше достается от начальства, поэтому мы очень ценим хороших заведующих. А на Дениса Альбертовича просто не надышимся. Золотой человек!

– Я слышал, что у вас есть серьезные проблемы, – закинул удочку Данилов. – Летальность высокая и совершенно непонятно почему так…

– А что тут понимать? – Ирина Константиновна удивленно посмотрела на Данилова и пожала плечами. – Пришло много новых сотрудников, нужно время для того, чтобы они вошли в колею. Про коронавирус тоже забывать нельзя. Многие стационары перепрофилированы, туда кладут только с «короной», получается, что мы отдуваемся не только за себя, но и за соседей. Приоритеты сместились, теперь к нам поступают по «скорой» только очень тяжелые пациенты, всех, кто полегче, раскладывают по отделениям. В такой ситуации летальность непременно должна возрасти, или я ошибаюсь?

Вот он типичный пример сестринского мышления – вроде бы все логично, но на самом деле нет. Для госпитализации в реанимационное отделение существуют определенные показания, которые не могут быть пересмотрены в сторону ужесточения ни при каких обстоятельствах, потому что в обычном отделении реанимационному пациенту помочь не смогут. Вот в сторону ослабления сдвиги бывают довольно часто, особенно если в реанимации есть свободные койки. «Ой, что-то мне бабушка не нравится, подержите ее у себя сутки, а если все будет стабильно, переводите в отделение». «Ладно, пусть полежит, понаблюдаем». Известно же, что лучше и спокойнее перестраховаться, чем наоборот. Проклятый коронавирус, происхождение которого до сих пор покрыто мраком, оттянул на себя большое количество коек, в том числе и реанимационных. В реанимационные отделения теперь стали класть строго по показаниям, что и породило неверное представление о том, что кладут только самых тяжелых. Неправда, кладут, как и раньше всех, у кого есть показания, а вот тех, у кого

показаний нет – не кладут. На «Ой, что-то мне бабушка не нравится…» теперь отвечают не «ладно, пусть полежит, понаблюдаем», а «наблюдайте, если ухудшится – заберем».

Со статистикой тоже не все так прямолинейно. Представление о тяжести состояния умершего пациента легко составляется по истории болезни. Если бы летальность выросла за счет тех, кому просто невозможно было помочь, то это установила бы первая комиссия. А, может, до комиссии дело бы и не дошло, департаменту могло хватить аналитического отчета, предоставленного больничной администрацией. Опять же надо смотреть на период. Случайности не растягиваются на несколько месяцев.

«Да все она прекрасно понимает, – подумал Данилов, глядя в глаза старшей медсестре. – Просто не хочет катить бочку на свое отделение и своего заведующего. Мало ли кем может оказаться этот хмырь с кафедры? Вдруг у него с департаментом прямая связь и все сказанное сразу же передастся туда? Вообще-то правильнее всего было бы совсем не затрагивать эту скользкую тему, чтобы не пришлось выставлять себя… хм… не очень умной. Но если сильно наболело, то поневоле затронешь…».

Доктор Дебихина, отрекомендованная Денисом Альбертовичем как «полная дура», оказалась абсолютной противоположностью Ирины Константиновны, как внешне, так и внутренне. Злобно сверкая глубоко посаженными глазками, она с ходу начала жаловаться Данилову на плохую атмосферу в отделении, тиранию заведующего, вредность врачей и нерадивость сестер.

– Зачем вам здесь работать? Шли бы в другую больницу, ведь на нашей свет клином не сошелся! Вы у нас не материал соберете, а сплошной негатив! Вы просто не представляете, куда вас занесло…

В обычной ситуации Данилов дальше слушать бы не стал и вообще свел бы общение с неприятной женщиной до минимального минимума, но сейчас пришлось делать круглые глаза, качать головой и подавать реплики, побуждавшие собеседницу к продолжению своего ядовитого монолога.

– Люди могут соврать, а цифры не врут! Возьмите статистику и посмотрите, сколько на каждом из этих умников висит покойников. А у меня, чтоб вы знали, пациенты умирают очень редко. Почему? Да потому что я в каждого вцепляюсь

вот так! – Дебихина вытянула вперед руки и потрясла костлявыми кулаками. – Вцепляюсь и тяну! А эти, – она мотнула головой в сторону двери, ведущей из ординаторской в зал, – работают спустя рукава, как придется, но постоянно пытаются выставить меня дурой. Заведующий, вместо того, чтобы навести порядок, идет у них на поводу. Он мне однажды прямо на пятиминутке сказал: «Марина Степановна, вам нужно подучить теорию». Какую, спрашивается, теорию? Я эту теорию давно изучила на практике! У меня есть такой же диплом, как и у всех, а во вкладыше – ни одной тройки! Просто, если мне что-то непонятно, то я так и говорю, а не делаю умное лицо, как другие врачи. От умного лица толку не будет…

Данилова восхитило выражение «Я эту теорию давно изучила на практике!». Истинный перл, надо бы запомнить.

– Две комиссии у нас были по причине запредельной летальности, одна за другой, носом землю рыли и ничего не нашли! Спросите меня – почему?

– Почему же? – Данилов изобразил лицом великую заинтересованность.

– Да потому что никто ничего находить не собирался! – Дебихина торжествующе ухмыльнулась. – Только делали вид, что ищут – надо же как-то отреагировать на высокую летальность. А когда я говорю, что нужно работать на совесть, то мне тут же затыкают рот. Я здесь пария, представитель низшей касты. Мне даже сестры хамят, поскольку знают, что ничего им за это не будет.

– А кто входит в высшую касту? – поинтересовался Данилов.

– Фамилий я вам называть не стану, потому что я не сплетница, – с гордостью ответила Дебихина. – Да и вы пока еще ни с кем не знакомы. Но вы сами разберетесь. Обратите особое внимание на тех, кто после смены надолго застревает в кабинете заведующего…

Данилов понимающе улыбнулся и щелкнул указательным пальцем по шее.

– Хуже! – нахмурилась Дебихина. – Они переписывают истории болезни. Любимчикам заведующий после каждой смены говорит, что нужно исправить, вот так он о них заботится! Вы когда на дежурство выходите?

– Уже завтра.

– Вот и понаблюдайте, – Дебихина осклабилась, показав кривые, прокуренные до густой желтизны, зубы. – А может он и вас после смены к себе пригласит, вы же доцент!

Слово «доцент» прозвучало у нее как ругательное.

– Навряд ли пригласит, – усомнился Данилов, радуясь тому, что наконец-то в вываленной на него куче дерьма мелькнуло нечто, похожее на жемчужину. – Послезавтра же воскресенье или заведующий сам будет дежурить?

– Будет – не будет, а утром непременно заявится. Он любит все держать под контролем. Только толку от его контроля – ноль с хвостиком…

«Что это за посиделки после смены в кабинете заведующего? – думал Данилов, одновременно слушая Дебихину. – И ведь она не врет, люди обычно не врут о том, что легко проверить. Врачи на самом деле вносят изменения в истории болезни или занимаются чем-то другим? Однако, наш Денис Альбертович не настолько прост, как это могло бы показаться на первый взгляд…».

Больше ничего интересного в день знакомства с отделением Данилов не узнал. За время его двухчасового пребывания никого не привезли и никто не ухудшился, так что возможности оценить работу сотрудников не было. Явился зам по аир, но его визит был сугубо формальным – прошелся по отделению, пробыл несколько минут в кабинете заведующего и ушел. Наблюдая за обычным врачебным обходом или за выполнением медсестрами плановых назначений, полноценного впечатления о реанимационном отделении не составишь. Данилов заметил лишь то, что доктор Дебихина обходила пациентов не подряд, а выборочно – к одному подойдет, другого пропустит. Обычно дежурные врачи делят пациентов по «территориальному признаку» – эта часть отделения твоя, а вот эта – моя. «По головам», точнее – по диагнозам, пациентов делят только в том случае, если один врач по знаниям или опыту существенно превосходит другого. Например, если один из дежурных – клинический ординатор. Но Дебихиной на вид все сорок пять, хотя на «ягодку опять» она совершенно непохожа – сутулая, сухопарая с ранними морщинами на лице. Значит, она действительно полная дура.

Что же касается историй болезни, то они понравились не только доктору Данилову, но и доценту Данилову, который перед тем, как записать свой осмотр, трижды прокручивал черновик в уме. Положение обязывает, ведь записи сотрудника кафедры, тем более – доцента, должны быть идеальными, если не сказать «шедевральными». Все истории, которые просмотрел Данилов, были написаны на четыре с плюсом. Если огрехи и попадались, то несущественные, относящиеся к категории «прокурор из такого теста дела не испечет». С одной стороны, это хорошо, но если истории «причесываются» постфактум, после дежурства, под присмотром заведующего, то это уже не очень хорошо, а точнее – совсем нехорошо.

Глава четвертая

Первое дежурство в проклятом отделении

– Пистолет не забыл? – деловито поинтересовалась Елена, когда Данилов надел куртку. – Надеюсь, заряжен боевыми?

– С пистолетом в реанимацию нельзя, – в тон ей ответил Данилов. – Там же аппаратура кругом. Обойдусь ножом, если что.

Охотничий нож с рукоятью из оленьего рога Данилову подарил в позапрошлом году один журналист, считавший, что его отец выжил после обширного инфаркта только лишь благодаря консультациям доцента Данилова. На самом деле это было совсем не так, потому что деда лечили совместными усилиями, но переубедить журналиста не удалось. В день выписки отца тот разыскал Данилова, вручил ему узкий, длинный, увесистый сверток и попросил заплатить рубль, ибо острое по народным поверьям дарить нельзя – это к ссоре. Развернув в своем кабинете сверток, Данилов ахнул. Нож был настолько красив, что его так и хотелось повесить на стену, причем – отдельно от тисненых кожаных ножен. На ножнах был изображен олень на фоне сосен и горы, а рукоять ножа украшала искусная резьба в виде переплетающихся веточек с листиками. Если бы у Данилова дома висел на стене ковер, то не исключено, что подарок положил бы начало коллекции холодного оружия. Известно же, как обычно становятся коллекционерами – коготок увяз, всей птичке пропасть. Но дома вообще не было ковров, ни настенных, ни напольных, да и к

коллекционированию Данилов не был расположен, так что ножу нашлось сугубо практическое применение – на работе Данилов нарезал им хлеб, колбасу, сыр и прочие, подлежащие нарезке продукты.

На дежурстве в девяносто пятой больнице можно было обойтись и обычной «раскладушкой», но Данилов решил взять с собой необычный нож, который непременно привлечет внимание окружающих и побудит их к вопросам. А любой вопрос может вылиться в познавательное общение… Вообще-то Данилов в новых коллективах поначалу присматривался к людям, а уж потом начинал общаться с теми, кто казался ему достойным общения, но сейчас пришлось свернуть «этот долбаный снобизм» (выражение доцента Саакова) трубочкой и засунуть куда поглубже. Данилов-Знаменский, так его со вчерашнего дня дразнила жена, жаждал общения и был готов общаться ночи напролет. Вдобавок Данилов придумал для себя образ человека, который на своей кафедре немного оторвался от реальной жизни и витает где-то там, в заоблачных эмпиреях. Умному на вопрос могут и не ответить, а недоумку непременно ответят, да еще и с подробнейшими разъяснениями. Так уж устроены люди – не могут упустить шанса продемонстрировать свое превосходство.

Проходя мимо сестринского поста, Данилов ограничился бы обычным приветствием «доброе утро», но Данилов-Знаменский повел себя иначе.

– Приветствую, красавицы! – гаркнул он вполголоса, ибо это все-таки реанимация, а не плац. – Как ночь прошла? По глазам вижу, что не очень гладко.

– Гладко мы дома спим! – ответила одна из медсестер, крупная, волоокая и круглолицая брюнетка.

– И сладко! – добавила другая, невысокая худенькая блондинка.

– Я ваш новый совместитель, зовут меня Владимиром Александровичем, а вы, если бейджики не перепутали, Инна и Оксана, верно?

Медсестры дружно кивнули.

– Приходите, как освободитесь, пить чай в ординаторскую, посмотрим друг на друга без масок, – пригласил Данилов.

– Не все врачи любят, когда сестры в ординаторской чаи гоняют, – заметила Инна.

– Лично я люблю, – Данилов улыбнулся так широко, что его улыбка определенно была заметна и через маску. – А кому не нравится, может отвернуться. Сословное неравенство в России отменили более ста лет назад, можно было бы уже и привыкнуть.

– Мы придем, – пообещала Оксана, игриво поводя бровями.

Возможно, она подумала, что Данилов холост, потому что обручального кольца он на дежурства не надевал.

На первое дежурство Данилов поставил себе две задачи. Прежде всего нужно было понять, насколько четко работают врачи и медсестры. Про себя Данилов назвал это «оценкой степени расслабленности». Если расслабленность высока, то в отделении нужно наводить порядок. Если расслабленность отсутствует, нужно искать другие причины. Денис Альбертович уверял, что у него все «окей-хоккей», но следовало убедиться в этом самому. Ни один из великих сыщиков, известных Данилову по литературным произведениям, никогда не шел на поводу у чужого мнения. Комиссии и вообще все сторонние проверки степень расслабленности оценить не могут, потому что в присутствии проверяющих сотрудники подтягиваются и начинают работать как следует, а затем снова расслабляются. Степень расслабленности можно оценить только изнутри, а доходить она может до невероятных пределов, вплоть до отключения звука мониторов в ночное время, чтобы тревожные сигналы не мешали бы спать сотрудникам. Вообще-то дежурная смена реанимационного отделения спать не имеет права, можно только отдыхать, но это правило нарушается повсеместно, потому что грань между отдыхом и сном очень тонка. Прилег человек на диван отдохнуть, прикрыл глаза – и заснул. Но отключать звук мониторов или вообще мониторы целиком для того, чтобы спалось спокойно – это уже преступление. И если вся дежурная смена любит спокойно поспать, то при круговой поруке такая ситуация будет тянуться годами. Пациенты никому ничего не расскажут, поскольку многие из них находятся «в отключке», а те, которые в сознании, не понимают, что именно делает персонал с мониторами. Если пациент начнет «ухудшаться» шумно, с хрипами, стонами или, даже, криками, то это могут услышать, а если опасное для жизни состояние шумами не сопровождается, что нередко бывает при нарушениях сердечного ритма или при остановке сердца, то пациента могут «проспать» – утром подойдут, а он уже остыл. Разумеется, в

истории болезни правду не напишут, а распишут, как по нотам, своевременные реанимационные мероприятия, которые, к сожалению, успеха не имели. Патологоанатом, конечно же, может что-то заподозрить, но захочет ли он вникать в нюансы? В тех случаях, когда диагноз не вызывает сомнений, вскрытие тела проводится быстро, как говорится – «на автопилоте», по сокращенной программе. В истории болезни основным диагнозом указан инфаркт миокарда, а в сердце есть свежий очаг некроза?[16 - Некроз – омертвение, повреждение клеток, приводящее к их преждевременной гибели.] Окей, готовьте следующего! А если вникнет и найдет какие-то несоответствия, то не факт еще, что захочет портить отношения с коллегами… К тому же тела многих умерших родственники забирают без вскрытия. Короче говоря, при благоприятных условиях расслабленность может длиться годами.

Незадолго до начала коронавирусной пандемии трясли-перетряхивали реанимационное отделение шестьдесят третьей больницы летальность которого много лет подряд колебалась в пределах от тринадцати до восемнадцати процентов. В медицинских кругах реанимация шестьдесят третьей больницы считалась слабой, но никто не думал, что она настолько расслабленная, чтобы дрыхнуть по ночам всем составом. Вскрылось же все случайно. Ночью пациент терапевтического отделения, находившегося этажом выше, выдал отек легких. Дежурный врач попросил медсестру вызвать реаниматолога. Медсестра подняла трубку телефонного аппарата, стоявшего на сестринском посту, но гудка не услышала. На проверку аппарата, стоявшего в ординаторской, медсестра терять время не стала – решила сбегать за реаниматологом, благо бежать было недалеко. Войдя в реанимационный зал, она не увидела на посту дежурной медсестры, но зато увидела страшное – прямую линию на ближайшем мониторе, свидетельствующую об отсутствии сердечных сокращений. Монитор при этом никаких тревожных сигналов не издавал. К счастью, с пациентом все было в порядке, просто во время сна от груди отклеились электроды. Дежурная медсестра реанимации нашлась в ординаторской, где она спала на одном диване с дежурным врачом. Из сестринской доносился чей-то громкий храп… Утром медсестра из терапевтического отделения рассказала об увиденном своей заведующей, которая находилась в натянутых отношениях с заведующим реанимацией и потому не только передала информацию главному врачу, но и организовала ее утечку на сторону – в департамент здравоохранения. А то мало ли что – вдруг главный врач захочет спустить дело на тормозах? Если бы не вышедший из строя телефон и не забывчивость медсестры, которая так торопилась в объятия своего любовника, что не заперла входную дверь, то расслабленность в отделении могла бы продолжаться и по сей день. Возможно, что при появлении нового совместителя, да еще и доцента кафедры, народ не

станет расслабляться на всю катушку, но сведущий человек может поставить диагноз и по отдельным симптомам.

Вторая задача касалась контроля за медсестрами. Контроль контролем, но полностью врачу за медсестрой никогда не уследить… Опытная медсестра улучит момент для того, чтобы подменить одну ампулу другой или же набрать в шприц не ту дозу. Пуркуа бы и нет? Вдруг кто-то из сестер был сильно расположен к прежнему заведующему отделением или же получал какие-то барыши с врачебного вымогательства? Возможно все, кроме невозможного, и даже невозможное возможно при определенных обстоятельствах. И вообще, в такой неоднозначно-сложной ситуации нельзя ничего сбрасывать со счетов.

В начале смены дежурные врачи делят отделение.

– Я у вас «третий лишний» на правах стажера, – сказал Данилов, – так что давайте я возьму на себя дежурные обходы.

В реанимационных отделениях положено делать обходы каждые четыре часа. Записи в истории болезни вносятся согласно этому правилу, но на деле обходы могут совершаться раз в шесть часов или, даже, реже. Урежение обходов – один из главных признаков наличия расслабленности, так что предложение Данилова было «диагностическим». Однако никто из дежурных врачей не сказал ему, что у них принято совершать обходы реже.

– Разумеется – все действия я буду согласовывать с вами, – добавил Данилов. – Я же хоть и доцент, но в данный момент – стажер.

– Да что уж там согласовывать… – ответил старший врач смены по фамилии Бурлай. – Вы же не интерн.

После первого обхода, который проводится дежурными врачами совместно, поскольку как не пациентов дели, знать нужно всех, Данилов предложил коллегам почаевничать. Предложение было принято с удовольствием. Медсестры сказали, что присоединятся попозже. Совместное чаепитие в ординаторской тоже носило диагностический характер. Когда в отделении все спокойно, то можно и чаю-кофию выпить, но кто-то из дежурной смены всегда должен находиться в зале, на сестринском посту. Если в ординаторской соберутся все, значит бардак здесь тот еще.

Напарники Данилову попались общительные. Пока чай заваривался, Бурлай рассказал, что перешел сюда из Мытищинской ЦРБ,[17 - ЦРБ – центральная районная больница.] а теперь жалеет, потому что попал, как кур во щи – того и гляди скоро всех разгонят из-за очень высокой летальности.

– Без работы не останетесь, – успокоил Данилов. – Наша специальность по нынешним временам крайне востребованная.

– Это так, – согласился Бурлай, – но здесь меня все более чем устраивает. Рядом с домом, заведующий – нормальный мужик, администрация не сволочная, в отделении свежий ремонт…

– А еще в нашей больнице работает одна очень симпатичная гинекологиня, – вставил другой напарник по фамилии Кошелев.

– Вот этот фактор никакого значения не имеет, – усмехнулся Бурлай. – Мы со Светланой встречаемся в нерабочее время.

– Но зато присутствие поблизости такого брутального амбала, как ты отпугивает всех потенциальных соперников, – возразил Кошелев. – А уйдешь, так сразу забудут и перестанут бояться.

Высокий и широкоплечий Бурлай действительно выглядел брутально. Квадратный подбородок, тяжелый взгляд из-под лохматых бровей, перебитый нос. Довершала впечатление бритая наголо голова. Кошелев был полной противоположностью своего напарника – худощавый, среднего роста, черты лица тонкие, элегантная эспаньолка. Он перешел в отделение из Центральной клинической больницы гражданской авиации. О причинах не рассказывал, но нетрудно было догадаться, что на прежнем месте работы произошла какая-то неприятная история поскольку авиационная клиника котировалась выше обычной городской больницы. Лезть с расспросами Данилов не стал – успеется.

Уловка снова не сработала. Сначала в ординаторскую заглянула Инна и спросила, может ли кто-то подменить их на посту. Кошелев молча вышел, спустя несколько секунд явились Инна с Оксаной. Обе медсестры оказались теми еще кокетками, причем Инна преимущественно заигрывала с Бурлаем, а Оксана – с Даниловым. Данилов даже подумал о том, чтобы пригласить после дежурства

Оксану в сетевую кофейню, находившуюся вблизи от больницы, но сразу же отогнал эту мысль. Приглашение на чашку кофе явно будет расценено пылкой девушкой как начало романа, а поскольку сыщицкий энтузиазм Данилова не доходил до того, чтобы адюльтерничать, никакого романа не случится. А ложные авансы крепко расстраивают пылких девушек, да и пылких юношей тоже. Так что не стоит перегибать палку, лучше лишний раз попить с медсестрами чайку на дежурстве.

Чаепитие прервала скоропомощная бригада, доставившая шестидесятипятилетнюю женщину с отеком легких, который не удалось купировать на дому. Принимал пациентку Кошелев, но Бурлай тоже вышел в зал помогать. Врачи с медсестрами работали слаженно и сноровисто, быстро, но без суеты. Данилов заметил, что врачи действительно приглядываются к тому, что делают медсестры, но полный контроль в подобных ситуациях невозможен, потому что тяжелому пациенту тоже нужно уделять внимание. Короче говоря, над душой никто ни у кого не стоял, правда сестры набирали в шприцы все препараты прямо у койки, возле врачей. Ни одна ни разу не принесла наполненный шприц с сестринского поста. Однако «возле» не означает «на глазах». Врач смотрит то на пациента, то на монитор… Только Данилов, как «третий лишний», которому делать было нечего, внимательно следил за ампулами.

В больнице имелась отдельная наркотическая служба. Когда понадобилось ввести пациентке морфий, Бурлай по телефону вызвал медсестру, которая пришла в сопровождении охранника через несколько минут. Морфий она принесла в пластиковом контейнере, запертом на цифровой замок. Перед тем, как вскрыть ампулу, медсестра показала ее Кошелеву, давая возможность прочесть надпись и убедиться в целости ампулы. После того, как тот кивнул, медсестра вскрыла ампулу, набрала раствор в шприц, и сама ввела морфий пациентке. Затем она уселась на посту и занялась писаниной. Кошелев переглянулся с Бурлаем и присоединился к ней, чтобы оформить свою часть документации.

«А вот это я упустил, – подумал Данилов. – Мое стереотипное мышление упустило это новшество. И Денис Альбертович ничего не сказал о наркослужбе… Впрочем, правильно не сказал. Те, кто имеет дело с наркотиками, находятся в зоне особого внимания. Их всегда подозревают в каком-нибудь мухляже. Если бы пациенты умирали после ввода наркотиков, то выводы не заставили бы себя ждать…». Однако, Данилову была нужна полная и окончательная ясность,

поэтому улучив момент, он сказал Бурлаю:

– Мне тут в голову одна мысль пришла, Федор Никитич, может и глупая совсем, но я уж ее озвучу. Вы не думали о том, что медсестры наркослужбы могут вместо наркотиков вводить другие препараты? Этим вполне можно было бы объяснить высокий уровень летальности в вашем отделении…

– Вы ошибаетесь, – уверенным тоном ответил Бурлай. – Во-первых, вы же видели, что она показывает ампулу, прежде, чем ввести препарат. Да, конечно, можно взять идентичную по форме ампулу и подделать маркировку, но тогда от препарата не будет ожидаемого эффекта, то есть сразу же станет ясно, что ввели что-то другое…

– Ну, можно решить, что доза мала, – возразил Данилов. – Возьмите, хотя бы, сегодняшнюю пациентку с отеком. Она же весит килограмм сто двадцать, не меньше. Кубик морфия запросто мог на нее не подействовать, даже с учетом того, что ввела «скорая». Умный человек не будет действовать наобум, а дождется подходящего случая…

– Нет! – тряхнул головой Бурлай. – Ваша версия не имеет ничего общего с реальностью. Во-первых, я не припоминаю случаев, позволяющих связать смерть с введением наркотика, а во-вторых, дело совершенно в другом.

– В чем же? – заинтересовался Данилов. – У вас есть какие-то предположения?

– Есть, – усмехнулся Бурлай. – Только не предположения, а точное знание. Это коронавирус проклятый во всем виноват!

– Коронавирус тут каким боком причастен? – удивился Данилов.

– А таким, что он ослабляет организм и вызывает различные осложнения. Диагностировать ковидную инфекцию толком не могут, я знаю много случаев, когда у одного и того же человека повторный тест давал противоположный результат, многие переносят инфекцию на ногах, незаметно для себя и окружающих, а эта микроскопическая пакость тайком делает свое черное дело… А мы потом руками разводим – ну почему же у нас такая летальность? А потому что «корона» создала предпосылки!

– Что-то у вас не сходится, – мягко заметил Данилов. – Тогда бы летальность выросла повсюду, а в других стационарах она вчетверо ниже.

Бурлай удивленно посмотрел на него.

– В других стационарах более творчески относятся к составлению отчетов, – пояснил он. – Рисуют не то, что есть, а то, что нужно. А наша администрация в эти игры не играет, чистоплюйничает. За что и страдает.

– Вряд ли такое возможно, – усомнился Данилов. – Подобные фокусы быстро раскрываются. Мне доводилось заведовать отделением, и я знаю, что…

– Если в департаменте видят те цифры, которые хочется видеть, то никто ничего проверять не станет! – перебил Бурлай уверенным тоном. – Подал красивый отчет, пусть и липовый – и работай себе спокойно. А у нас две комиссии одна за другой побывали… Мне, знаете ли, тоже доводилось замещать заведующего отделением, когда я работал в Мытищах и мне предыдущий главный врач открыто говорил, чтобы я писал отчеты в границах нормы. И я писал! И все писали! И сняли главного не за липовые отчеты, а за финансовые нарушения, проще говоря за то, что украл и не поделился с кем нужно.

Данилов мог бы аргументированно поспорить с Бурлаем. Да, какой-нибудь отдельный и не очень умный главный врач может позволить себе шалости со статистикой. Но подобный обман достаточно быстро раскроется и меры будут приняты суровые. Обманщика вышибут в рядовые врачи и больше никогда никакой руководящей работы ему не видать. Ну а версия с всемосковским заговором, которому покровительствует департамент – это уже для фантастического романа. Однако, спорить не было необходимости. Если Бурлаю нравится такое объяснение, то пусть он им тешится. То, что хотелось, Данилов выяснил – дежурных медсестер наркослужбы можно в расчет не принимать. Тем более, что если одна из них оказалась бы маньячкой, то смертность возросла бы по всей больнице, ведь наркотики назначают и в других отделениях.

– Дядя Федя снова сел на любимого конька, – сказал вошедший в ординаторскую Кошелев. – Орет так, что в зале все слышно. Я ему, да и другим тоже, уже устал объяснять, что нельзя все валить на коронавирус. Причина какая-то другая… Скорее всего, рост летальности вызван ухудшением экологической обстановки.

– Экологической обстановки? – переспросил Данилов. – А что? Вполне может быть. Здоровье напрямую связано с экологией…

– Вы на район, в котором живет бо?льшая часть нашего контингента посмотрите! – Кошелев присел к столу, пододвинул к себе чистый лист бумаги и нарисовал на нем большой треугольник. Здесь, – он обвел кружочком одну из вершин треугольника, – находится телебашня. Здесь, – кружочек появился у другой вершины, – находится нефтемаслозавод. А вот здесь, – третья вершина тоже оказалась в кружочке, – находится производство красок и лаков…

«Врачебная работа приучает всегда докапываться до сути, – подумал Данилов. – Если не можешь понять, что с пациентом, значит ты плохой врач. Если объяснения нет, его нужно придумать. Каждый выбирает то, что ему больше нравится…».

При поступлении следующего пациента Данилов намеренно остался в ординаторской, где он вносил в истории болезни записи о только что сделанном обходе. Хотелось оценить, как люди станут действовать в его отсутствие, в своем свойском кругу. Опытному человеку уши могут полностью заменить глаза – доносившиеся из зала шумы и реплики позволяли Данилову судить о том, что там происходит. На этот раз пациента с астматическим статусом, переведенного из терапии, принимал Бурлай. Кошелев вышел для того, чтобы помочь переложить пациента на койку, да так и остался в зале, потому что пациент вел себя беспокойно и его приходилось удерживать. При всем желании, Данилов не нашел к чему бы ему придраться. Разумеется, по одной дежурной смене нельзя судить обо всем отделении, но обычно не бывает так, чтобы одна смена работала очень хорошо, а другая из рук вон плохо.

Ночью народ немного схитрил – с полуночи до трех часов в зале сидели Кошелев с Инной, а Бурлай с Оксаной спали – он в ординаторской, она в сестринской. Но как спали? При открытых настежь дверях прикорнули на диванчиках, не раздеваясь, готовые чуть что вскочить и начать действовать. С трех до семи спали Кошелев и Инна. Данилову, как 2третьему лишнему» предложили спать в кабинете заведующего хоть всю ночь, но он спать не стал. Сначала раскладывал в голове по полочкам впечатления прошедшего дня, а затем читал «Черный обелиск» Ремарка, найденный на полке среди медицинской литературы. Время от времени откладывал книгу и размышлял. На исходе первого дежурства наиболее вероятными стали казаться две версии. Или кто-то мстит Денису Альбертовичу, стараясь добиться его увольнения таким чудовищным способом,

или же в отделении орудует чокнутый маньяк. В первом случае следовало обратить внимание на медсестер, работавших при прежнем заведующем, а во втором – на тех, кто пришел в отделение в августе или сентябре прошлого года.

Данилов решил все же устроить посиделки в кофейне, но пригласить туда Инну с Оксаной вместе, якобы для того, чтобы попросить помочь ему с набором материала для диссертации. Так мол и так, дорогие девчонки, если вам попадется пациент такого возраста и с таким-то диагнозом, то будьте любезны, запишите для меня его данные и номер истории болезни, а то вдруг я его пропущу, я же далеко не каждый день в отделении бываю. Заодно можно будет и поболтать на разные темы… Совместное приглашение обеих медсестер и деловая просьба не дадут разгореться романтическим надеждам Оксаны. И капитал, то есть – нужную информацию, получится приобрести, и невинность соблюсти. Замечательная мысль!

Сделав утренний обход, последний за дежурство, Данилов спросил у Бурлая, верно ли он понял, что заведующий отделением приходит на работу и по выходным дням.

– Приходит, – подтвердил Бурлай, – часика три побудет и уйдет. Это еще после первой комиссии началось. Сначала он обходит отделение вместе с новой и старой сменой, а затем просматривает все записи, сделанные во время прошедшего дежурства. Если что-то не понравится, может попросить переписать.

– А что может не понравиться? – изобразил удивление Данилов.

– Например, небрежно написанный статус. Денис Альбертович не разрешает писать «состояние без динамики», он требует, чтобы непременно были указаны частота дыхательных движений, пульс, давление и цвет кожных покровов. Обоснование диагноза тоже должно быть подробным, а не просто «исходя из жалоб, анамнеза и данных обследования…». Нет уж, будь любезен – напиши, как положено. Но к вашим статусам вопросов не будет, они написаны идеально…

– А я слышал, – хитро прищурился Данилов, – будто Денис Альбертович разрешает делать исправления в историях болезни не всем, а только своим… хм… фаворитам…

– Это вам Дебилкина напела! – хохотнул Бурлай. – Во-первых, не «разрешает», а «требует», а, во-вторых, ее Денис Альбертович не трогает, чтобы не воняла. Она все равно ничего исправлять не станет, а устроит истерику, будет орать, что к ней придираются понапрасну. Так что за нее исправления приходится делать напарнику. Марина Степановна – не человек, а геморрой ходячий. Ваше счастье, что вам с ней дежурить не придется.

– Почему?

– В пару с совместителем Денис Альбертович ее никогда не поставит. Только с кем-то из основного состава, у кого нервы покрепче. Я, например, могу ее выносить, а вот Алексей Алексеевич – нет. Она его однажды довела до того, что он около часа работать не мог – руки тряслись как при Паркинсоне…[18 - Имеется в виду болезнь Паркинсона, одним из характерных симптомов которой является тремор – непроизвольные, быстрые, ритмичные колебательные движения частей тела.]

Медсестры охотно откликнулись на приглашение Данилова и даже согласились подождать, пока он пообщается с заведующим отделением. На немой вопрос, читавшийся во взгляде Дениса Альбертовича Данилов ответил едва заметным отрицательным движением головы. Истории Денис Альбертович просматривал бегло, видимо Бурлай с Кошелевым были у него на хорошем счету. На выходе Данилов замешкался и когда остался с Денисом Альбертовичем наедине, попросил список тех пациентов, чья смерть стала неожиданностью для врачей. С указанием даты смерти, основного диагноза и номера истории болезни. Заодно попросил и графики дежурств, начиная с октября прошлого года. Денис Альбертович пообещал составить список «прямо сейчас» и прислать вместе с графиками по электронной почте. Следующий раз Данилову предстояло дежурить через неделю, но он предупредил, что заглянет в отделение днем во вторник, девятого марта, вроде бы для того, чтобы сделать копии нужных историй болезни. Метод Данилова был простым – наблюдать и думать, думать и наблюдать.

На кофе Данилов потратился не напрасно – у него появились первые подозреваемые. Когда он словно бы мимоходом заметил, что его шеф – заведующий кафедрой очень высокого мнения о Денисе Альбертовиче, Инна, работавшая в отделении уже пятый год, сказала, что Денис Альбертович «вообще замечательный» и что его не любят только некоторые идиотки. Оксана, пришедшая в отделение в декабре, согласно кивнула – так оно и есть.

– Вы, наверное, имеете в виду доктора Дебихину? – предположил Данилов.

– Не только, – усмехнулась Инна. – Дебихина – это клинический случай неадеквата, она плохо относится ко всем, без разбору. Работала бы при Хобте, так и его бы не любила. Но есть у нас две лисички-сестрички – Верка и Надька Нечухаевы, так вот они Хобту просто боготворили, а Дениса Альбертовича ненавидят. Все им не так…

– Надьку вы видели, – вставила Оксана, – она нас сменяла. Рыжие кудряшки и нос, как у Буратино.

– Сестрички – старые девы, – продолжала Инна. – Они живут вместе с престарелой мамашей, которая один день умирает от кишечной непроходимости, а другой день от стенокардии, но все никак не умрет. Одну ее надолго оставлять нельзя, потому что она в глубоком маразме, так что Верке с Надькой приходится работать в разные смены. То ли им что-то перепадало от Хобты, то ли они были в него влюблены, но перед ним они просто стелились и трепетали. А про Дениса Альбертовича постоянно гадости говорят и ждут не дождутся, когда его совсем снимут из-за плохих показателей. Хотя он им ничего плохого не сделал, только хорошее.

– Такие вот они сучки! – подвела итог Оксана.

«Если две сестры работают поочередно на одну ставку, то они проводят в отделении четырнадцать суток в месяц, – подумал Данилов, – а если на полторы – то все двадцать. Уйма времени! Много можно успеть сделать».

К лисичкам-сестричкам определенно следовало присмотреться. Да и к доктору Дебихиной тоже, несмотря ни на что.

Глава пятая

Шебутной Одиссей

В Коломну решили ехать на электричке. Данилов уселся в углу у окна, дождался наступления десяти часов и начал обзвон старых знакомых. У того, кто успел поработать и там, и здесь, и еще где-то в любом месте всегда найдется нужный человек, а то и несколько. Начав с поздравлений (все старые знакомые оказались женщинами), Данилов спрашивал про жизнь, вспоминал что-то из общего прошлого, вкратце рассказывал о себе, интересовался нет ли у собеседницы приличного кандидата в женихи, а то дочь можно сказать, на выданье (одиннадцатилетняя Мария Владимировна корчила при этом свирепые гримасы и показывала заботливому отцу кулак), а затем переходил к сбору нужной информации.

– У вас до недавних пор работал в реанимации доктор Бурлай, Федор Никитич. Помнишь такого? Меня главный врач одной дружественной больницы попросил навести о нем справки… Хочет взять его к себе заведующим. Только это строго между нами, потому что еще ничего не решено. Зачем человека напрасно обнадеживать?..

В двух разговорах из пяти Данилов интересовался доктором Кошелевым. Выслушав характеристику «кандидата на заведование», Данилов интересовался отделением, в котором раньше работал кандидат. Место работы оказывает влияние на человека. В хорошем отделении средненький врач может подтянуться до уровня крепкого профессионала, а в плохом и профессионал деградирует. Мимоходом звучал вопрос о летальности, которая всякий раз оказывалась в пределах допустимого. Помимо прочего, Данилов узнал, что Кошелев ушел из авиационной клиники после скандала с начмедом. Врач из отделения эндокринологии, у которого в реанимации лежал двоюродный брат, попросил Кошелева провести к нему жену. Кошелев согласился, в таких вещах коллегам обычно не отказывают. Посетительница была одета должным образом – халат, шапочка, маска, на ногах сменная обувь плюс бахилы и собиралась пробыть у постели мужа не более пяти минут, но буквально следом за ней в отделении появился начмед, который выгнал посетительницу из зала и пообещал Кошелеву, как старшему врачу смены выговор и лишение премий на полгода. Кошелев возмутился, потому что наказание совершенно не соответствовало проступку, наговорил начмеду дерзостей и приложил к объяснительной заявление об увольнении по собственному желанию.

– Алексей по знанию и опыту годится на заведование, – сказала старая знакомая, – но по характеру не очень.

– Да я на его месте тоже бы разозлился, – ответил Данилов. – Одно дело, когда по реанимации толпы родственников в уличной одежде разгуливают и совсем другое – родственницу коллеги в халате ненадолго пустить. И за это – выговор с депремированием? Несправедливо!

У одной из старых знакомых Данилов получил сведения об Оксане, которую якобы хотели сделать старшей сестрой. Версию с маньяком, насколько бы неправдоподобной она не выглядела, сбрасывать со счетов нельзя. А за маньяком, по логике вещей, должен был тянуться какой-то след – или не совсем адекватное поведение, или высокая летальность на прежнем месте работы, или еще что-то примечательное… Данилов пожалел, что не узнал, где прежде работала доктор Дебихина и уже хотел позвонить Денису Альбертовичу, но передумал. Не горит. Точнее, может, и горит, но сначала нужно придумать повод для расспросов, ведь Дебихину никто повышать не захочет. Романтический интерес к ней проявить? Вообще-то можно, если только на словах, в рамках предлога для сбора информации, но не на глазах у жены и дочери.

– У меня такое впечатление, будто сегодня не восьмое марта, а второе февраля! – с заметным раздражением сказала Елена, когда Данилов убрал мобилу в карман куртки.

– А что у нас было второго февраля? – Данилов напряг память, но так ничего и не вспомнил.

– День сурка! И не у нас, а в Америке. Но очень в тему, если ты, конечно, смотрел этот фильм. Пейзаж за окном меняется, а слышу я одно и то же… Главный врач одной дружественной больницы… Строго между нами… Живи ещё хоть четверть века, все будет так. Исхода нет!

– Маша, – елейным голосом сказал Данилов, – смотри, какая у нас разносторонне развитая мама. Она настолько хорошо знает и поэзию, и классику кинематографа, что к любому случаю сразу же находит подходящий пример. Гордись и старайся соответствовать! Мне, Маша, в свое время несказанно повезло. Я встретил совершенную женщину, обладающую тремя исключительными достоинствами – умом, красотой и добротой…

– Нет, кажется сегодня в самом деле восьмое марта, – улыбнулась Елена. – Продолжай, я обожаю, когда меня хвалят.

– А я читала, что в Китае нельзя называть женщину «доброй»! – сказала Мария Владимировна. – Это означает, что ее больше похвалить не за что. Китайцы очень вежливые, они даже плохое высказывают в красивой форме…

Данилов почувствовал, как по затылку начинает разливаться тупая боль, которая в последние годы появлялась очень редко – кое-что с возрастом проходит, и это не может не радовать. Интересно, однако, устроена человеческая психика. Стоило только дочери упомянуть про Китай, как из глубин памяти всплыл давний случай и проявился не в виде воспоминания, а в виде последствия – головные боли появились после того, как Данилова на вызове ударил по голове обрезком водопроводной трубы неадекватный китаец.

– Да, китайцы очень вежливые, – повторил Данилов, – вкладывая в эти слова особый смысл, понятный только ему. Но мы, к счастью, не в Китае и можем плохое высказывать в плохой форме, а хорошее – в хорошей. Деликатность уместна до определенных пределов.

– Маша! Папа шутит! – сказала Елена, бросая на Данилова укоризненный взгляд. – Деликатность уместна всегда! Никогда не стоит опускаться до ругани и, тем более, до драк. В крайнем случае можно просто проигнорировать…

– Папа не шутит, – возразил Данилов. – Знаешь, Маша, если бы твои родители всегда и в любой ситуации проявляли деликатность, то тебя бы на свете не было.

– Что ты несешь?! – возмутилась Елена. – При чем тут ребенок?

– Если ты не будешь меня перебивать, то я расскажу, – Данилов улыбнулся и подмигнул Маше. – Дети должны знать семейную историю.

– Обожаю семейные истории! – Машины глаза восторженно загорелись. – Мама, не перебивай!

– Первую часть истории ты уже знаешь, – сказал Данилов. – У нас с твоей мамой, Маша, не все складывалось гладко. В молодости жизнь развела нас в разные стороны, а потом свела, но могла бы снова развести и, скорее всего, навсегда, если бы я не дал бы по морде одному нехорошему человеку…

– Знаю, знаю! – закивала Маша. – Он на маму кляузу написать хотел.

– Да, именно так. Слушай, что было дальше. Это случилось на подстанции, я там работал на линии, а мама была заведующей. Мы еще не были женаты. Мама сказала, что уволит меня за такой поступок. Я, конечно, расстроился, после дежурства пришел домой и лег спать. И вдруг меня будит моя мама – проснись, тебе звонят с работы! Я беру трубку и слышу очень деликатные слова: «Идиот! Скотина! Сволочь!». Угадай с трех раз, кто это звонил.

– Мама! – воскликнула Маша.

– Нашел, что вспомнить! – Елена страдальчески закатила глаза и покачала головой.

– А потом она послала меня по такому адресу, которого воспитанные люди вообще знать не должны и отсоединилась, – продолжал Данилов. – И в этот момент я понял, что мама меня все-таки любит. Ну а я-то давно ее любил. Так вот все у нас и началось… По новой. А если бы я не дал коллеге по морде, а мама не отреагировала бы на это столь эмоционально, то я бы так и не понял, как мама ко мне относится. Делай выводы.

– Нормальные люди, Маша, говорят о своих чувствах, задают вопросы и получают ответы, – назидательным тоном сказала Елена. – А… хм… не очень умные люди устраивают побоища, ломают мебель и…

– И всяко-разно обзывают тех, кто их любит, – закончил Данилов.

Елена молча показала ему кулак.

В Москве было облачно, а в Коломне светило солнышко и даже грело, что было вдвойне приятнее.

– Планируются ли встречи с информаторами? – осведомилась Елена, едва ступив на перрон.

– Нет, я здесь инкогнито, – шепотом ответил Данилов, опасливо озираясь по сторонам. – Никаких контактов!

– Замечательно! – жена подхватила его под руку. – Тогда пошли нагуливать аппетит перед праздничным обедом!

С праздничным обедом вышел небольшой облом. Изначально Данилов собирался отметить праздник в каком-нибудь заведении, придерживающемся старинных русских традиций. Ему хотелось солянки, настоящей, а не такой, как везде, или наваристой ухи, а также чего-нибудь мясного, томленого в горшочке, а Елена с Машей предвкушали самолепные пельмени и вареники, пирожки-расстегайчики и блины с вареньем. Как сказала Елена, «в праздник хочется праздновать, а не высчитывать калории». Но после посещения музейной коммунальной квартиры Мария Владимировна сказала, что она дико устала и дико хочет есть. Пришлось зайти в первое подвернувшееся заведение, которое оказалось рестораном в чешско-немецком стиле – с колбасками, блюдами из свинины, и довольно неплохим выбором пива.

– Данилов, а ведь мы правильно зашли, – сказала Елена, оглядывая зал. – Этот праздник появился в Германии по инициативе Клары Цеткин и отмечали его вот в таких пивнушках. Весь этот гламур с шампанским, хрусталем и эклерами возник гораздо позже. Пора прикоснуться к истокам, тем более что вон на том столе я вижу пельмени…

Прикоснулись качественно, совершенно не думая о калориях. Впрочем, Данилова и Марию Владимировну калории совершенно не волновали, их подсчетом озадачивалась только Елена. На выходе дочь сказала, что она, пожалуй, согласилась бы жить в «такой огромной и ужасной коммунальной квартире», при условии, что рядом есть места, в которых вкусно кормят. Родители дружно рассмеялись, а затем объяснили дочери, что в те времена, когда музейная коммуналка была жилой, огромной и ужасной, вокруг не было такого количества заведений общепита. И такого качества, к слову будь сказано, тоже.

В электричке утомленная Мария Владимировна сразу же заснула.

– Я правильно поняла, что ты кого-то подозреваешь? – спросила Елена. – Все же виной всему не бардак, а чья-то злая воля.

– Да, – ответил Данилов. – Окончательные выводы пока еще делать рано, но то, что я видел в день знакомства и во время дежурства свидетельствует о том, что порядок в отделении поддерживается на должном уровне. Даже если допустить, что меня намеренно поставили дежурить с лучшими сотрудниками, которые могли знать о моей истинной роли…

– От кого? – брови Елены удивленно взметнулись вверх. – Вряд ли твой шеф или заведующий отделением стали бы трепаться об этом. Или, может, ты думаешь, что это я проболталась?..

– По одной из версий проболтаться может заведующий отделением, – Данилов сделал многозначительную паузу. – Да, именно он. Сначала я подумал, что причина может крыться в плохой постановке работы и некомпетентности сотрудников. Заведующий это понимает, но он покрывает своих неумех, хочет выиграть время и хочет отвести от себя подозрения – вот, я даже у очень уважаемой в медицинских кругах кафедры помощи попросил, но и они не смогли понять, в чем тут дело. Не очень умный, но довольно хитрый человек вполне может придерживаться такой тактики. Однако, все совсем не так. Денис Альбертович умен и если он что и «покрывает», условно говоря, так это требует после дежурства исправлять записи в истории болезни, которые ему не нравятся. Но, как мне сказали, исправления вносятся не ради искажения общей картины, а ради ее уточнения. Он требует четко обосновывать диагнозы и подробно писать статусы…

– Помнишь ассистента Батыршина с кафедры фтизиатрии? – спросила Елена. – Который писал статусы из трех букв?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Быть или не быть (англ.)

2

Зона печени, поджелудочной железы и двенадцатиперстной кишки.

3

Гемодинамикой называется движение крови по сосудам, возникающее вследствие разности гидростатического давления в различных участках кровеносной системы.

4

Метод обезболивания, при котором обезболивающие препараты вводятся в пространство между твердый оболочкой спинного мозга и позвонками.

5

Аир – сокращенное жаргонное название анестезиолога-реаниматолога.

6

Tempora mutantur et nos mutamur in illis (лат.) – времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (дословно: «в них»).

7

Пропедевтика внутренних болезней изучает основы диагностики.

8

«Зам по аир» – жаргонное название заместителя главного врача по анестезиологии и реанимации.

9

Имеется в виду допуск к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, который оформляется при трудоустройстве.

10

«Начмед» – жаргонное название заместителя главного врача по медицинской части.

11

Желудочковая фибрилляция (фибрилляция желудочков) – представляет собой нескоординированные сокращения мышечных волокон желудочков сердца. При этом состоянии сердце не может перекачивать кровь.

12

ИВЛ – искусственная вентиляция легких.

13

То есть смерть пациента в присутствии бригады скорой помощи.

14

«Пускать экспрессом» на скоропомощном жаргоне означает быстрое введение препарата. Раствор новокаинамида полагается вводить очень медленно с примерной скоростью 1 миллилитр в минуту.

15

Директор регионального объединения – руководитель объединения из нескольких подстанций Московской скорой помощи, расположенных по соседству друг с другом.

16

Некроз – омертвение, повреждение клеток, приводящее к их преждевременной гибели.

17

ЦРБ – центральная районная больница.

18

Имеется в виду болезнь Паркинсона, одним из характерных симптомов которой является тремор – непроизвольные, быстрые, ритмичные колебательные движения частей тела.

Купить: https://tellnovel.com/ru/andrey-shlyahov/rassledovanie-doktora-danilova

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить